

Дмитрий Иванович Писарев утверждал: «В воспитании все дело в том, кто воспитатель». Это относится и к такому воспитателю юного поколения, как книга. О том, каким должен быть этот воспитатель, и шел разговор на комиссии съезда по детской и юношеской литературе.

Среди книг есть воспитатели великие: это творения классики. Широка ли дорога, которая приводит их к нашим школьникам? У нас фактически узаконен термин — «проходить литературу», хотя известно, что проходить можно лишь мимо чего-нибудь. Нет, я вовсе не собираюсь наекать на то, что вся наша школа проходит мимо литературы. Это не так! Учителское предназначение — благороднейшее, подвижническое предназначение! Мы знаем талантливых учителей-словесников, не только понимающих, что литература — «мать всех искусств», а и преподающих ее как искусство. Но сколько в этой сфере тревожных проблем! Острый, прицельный критический огонь испытала на себе новая типовая программа по литературе. Несмотря на определенные достоинства программы, она в целом не принята писательским и широким общественным мнением. В одном из писем читаем: «Три часа в неделю на литературу в юношеский период — это уже тот предел за которым, как сказал бы Гамлет, молчание».

В. Г. Белинский писал: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека... Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства». А как же этот гениальный образователь и воспитатель представлен в «программах по литературе для средней общеобразовательной школы»? В пятом классе, к примеру, девять часов, а в седьмом — всего пять... Оказывается, полностью поэма «Руслан и Людмила», если употреблять узаконенную школьную терминологию, не «проходится». А как проходит? Обратимся к программе: «У лукоморья дуб зеленый»; песня третья со слов «Пред ним открылся дол широкий...»; песня шестая со слов «Но только свет луны двурогой...». Вот вам и все.

Значит, умно и компетентно созданная программа по литературе нужна как воздух...

Могу сообщить, что мысль о создании комиссии, которая бы подготовила «школьную программу по литературе» и в которую бы вместе с учеными и практиками учителями вошли писатели, литературоведы, — эта мысль не только поддержана Академией педагогических наук СССР, но уже и осуществляется. Думаю, тут помогут и предложения, прозвучавшие у нас вчера.

На нашей комиссии была создана и «рабочая» писательская группа, которая поможет созданию «книг для чтения», адресованных ученикам младших классов.

Олег Попцов сообщил о социологическом опросе, проведенном в одной из московских школ. «Там 1200 учеников, прекрасная библиотека, богатая произведениями русской классики. Но ни разу не были взяты учениками книги Ломоносова, Державина, Карамзина, Баратынского, Вяземского, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Сухова-Кобылина, Шевченко, Леси Украинки, Бунина, Куприна, Пришвина...» К примеру, забываемый, на мой взгляд, вечер Д. С. Лихачева по телевизору смотрел, увы, лишь один педагог (преподаватель рисования и черчения). Из опрошенных семидесяти двух учеников передачу смотрела одна девочка. Есть над чем поразмыслить!

«Ничего формального! Ничего ради поспешности отклика, ради показухи!» — это активно провозглашалось на нашей комиссии.

В связи с этим вспоминаются некоторые читательские конференции, когда на сцену один за другим поднимаются школьники и называют свои «самые любимые»

книги. Лица и голоса разные, а названия книг почти всегда одны и те же. Спрашиваю: «Ну, в «Три мушкетера»? Оказывается, с этой книгой многие вообще не расстаются. «А почему же не называете?» — «Да как-то не принято!» Становится страшновато не за «Трех мушкетеров», а за те прекрасные книги, которые в сознании ребят могут поблекнуть, потускнеть от буднично-заученных, формальных упоминаний, от формального восприятия.

И об этом говорили на нашей комиссии.

На одной читательской конференции меня спросили: «Припоминаете ли вы какой-нибудь факт, который можно назвать, по вашему мнению, апофеозом формализма?» Я припомнил...

Однажды нас с Маршаком пригласили выступить в знаменитом пионерском лагере. Маршак, уже немолодой и не очень здоровый, опустился в соломенное кресло и начал рассказывать, читать стихи. Но ребята его не слушали. Я поразился: не слушали прославленного Маршака! Когда время дошло до меня, я, ориентируясь, сказал: «Не хочу отравлять вас, ребята, от моря и солнца. Желаю счастливого отдыха!» В ту же минуту к нам побегал начальник лагеря и, захлебываясь от восторга, воскликнул: «Прекрасные выступления! Мы так благодарны...» «Но почему же дети не слушали?» — спросил я. «Вы не обращайте внимания! Это ребята из международной смены, они по-русски ничего не понимают... Но зарядку коллективу дали великолепную!» Это было действительно апофеозом формализма: пригласили Маршака, чтобы поставить «галочку».

Не для «галочки» ли, не для того ли, чтобы «отметиться», якобы проявить заботу о школе и ее проблемах, сочиняются иные рассказы и повести, столь же далекие от школы, сколь и вообще от жизни? Этот вопрос звучал вчера у нас на комиссии.

Иногда «тему нравственности» вычлняют в некую особую, как бы отдельно существующую тему. Но ведь нравственность всеобъемлюща и неделима! В. И. Ленин писал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». Значит, проповедь благородства, идейной убежденности, высокого патриотизма, отваги, трудолюбия — всех нравственных достоинств — долг воспитателей юности. Значит, по-гайдаровски дать бой праздному суесловию, отчуждению дела от слова, формализму и показухе, цинизму, жестокости, зависти, тунеядству — всему, что несомненно с нормами морали, — тоже наш долг. И многие книги этот долг выполняют достойно.

Однако Игорь Мотышов справедливо сказал в своем докладе на комиссии: «Несмотря на появление в минувшем пятилетии многих значительных художественных произведений, в общем-то температура социального накала детской и юношеской литературы нельзя считать удовлетворительной... Все еще слишком велик процент книг, «фирменной маркой» которых являются беспомощная подражательность и эклектика, унылое, многословное описательство, отсутствие самостоятельной и серьезной мысли... Особенно обидно, когда это проявляется в

произведениях на «гражданскую» (по замыслу, но отнюдь не по результату) тему. Какую глухоту к звучащему русскому слову, к музыке и смыслу родной речи надо иметь, чтобы написать:

Моей матери мать
В этом поле работала,
И моя в нем работает мать.
Это древнее поле охота мне
Материнским назвать.

Как видим, автор заимствует прекрасный айтмаговский образ. Заимствует, чтобы ополшиться.

Хочется вспомнить другое (известное многим из вас) стихотворение молодого поэта Бориса Лебедева, как бы провидевшего свою судьбу и написавшего о матери, сидящей возле постели неизлечимо больного сына:

Двадцать дней и двадцать ночей
Он жить продолжал, изумляя врачей.
Но рядом с ним была его мать —
И смерть не могла его доломать.
Двадцать дней и двадцать ночей
Она не сводила с него очей.
И лишь на двадцать первые сутки
Она вздремнула на полминутки.
И чтобы не разбудить ее,
Он сердце остановил свое...

Отношение к матери — пробный камень всех человеческих достоинств. И горестно получать письма, повествующие о детях, предающих матерей своих. Но никогда матери не называют при этом имен неблагоприятных детей, не сообщают, где и кем они работают: а вдруг у них будут неприятности! Матери остаются материами, а подлецы — подлецами. Воспитывать преклонение перед подвигом материнства — долг детской и юношеской литературы.

И вот какие возникают предложения... Быть может, вслед за Годом ребенка и Годом молодежи по нашей инициативе землю обогрет Год матери? И, думаю, благородно было бы воздвигнуть в Москве памятник Епистинии Федоровне Степановой, отдавшей Родине девять своих сыновей!

Выступавшие вчера на комиссии подчеркивали, что полуправда в искусстве страшнее лжи, ибо это ложь, которая ридится в одежде правды, тщится выдать себя за правду. Альберт Лиханов в своем докладе сказал в связи с этим: «Увы, правда понимается порой трудней, чем полуправда. К примеру, до сих пор в некоторых областях страны не выпущен на экран фильм «Чучело» по повести Владимира Железникова. И лишь по той причине, что правда оказалась слишком удручающей с точки зрения запретителей. Однако в искусстве, как и в жизни, давно известен закон излечения боли болью. В этом оно сродни хирургии. Вполне очевидно, что остановить подростка от жестокости — гуманная цель литературы. Ее и выполняют повесть и фильм. В качестве аргумента запретители говорят о том, что браться распространения жестокости после фильма. Что ответить на это? Умолчание о зле еще ни разу не приводило к его искоренению. Займаться о нравственном здоровье молодежи, мы должны использовать все врачебные методы: и терапию, и гомеопатию, и хирургию».

Во вступительном слове Сергея Михалкова, в докладах, произнесенных на комиссии (в том числе и глубоком докладе Ирины Токмаковой «О переводах детской литературы братских республик на русский язык»), в выступлениях делегатов из Москвы и Ленинграда, из Свердловска и Перми, из всех союзных республик звучала сердечная забота о молодых дарованиях, которым принадлежит завтрашний день литературы. Вспомнились строки Пушкина, посвященные Державину. И особенно два слова — «заметить» и «благословить». Какое это счастье — заметить и благословить тех, кто достоин благословения!

Дорогие друзья!

Наша литература, адресованная юным, признана во всем мире прогрессивными деятелями самой гуманной и честной. Работать, творить во имя молодых поколений, а значит, и во имя грядущего... Что может быть почетней и что может быть ответственней!